

КРД

ВЕСТНИК
РЯЗАНСКИХ КРАЕВЕДОВ

ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РЯЗАНСКОГО КРАЯ

□□□

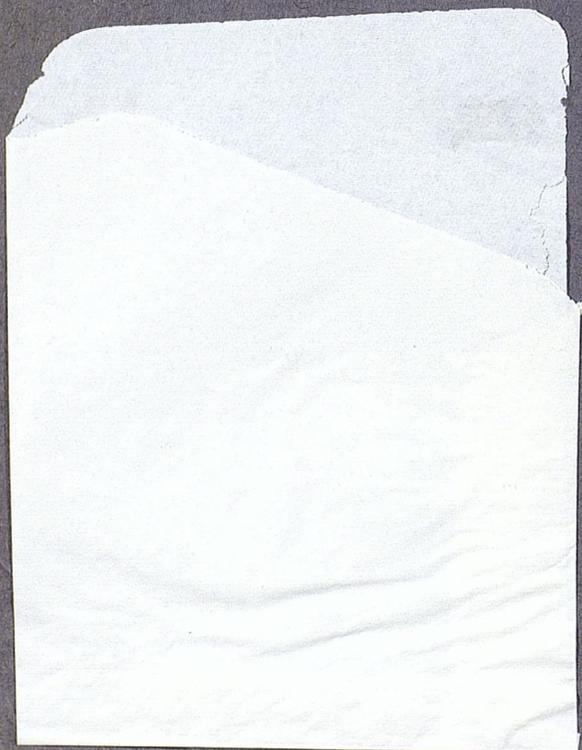
№ 4 (8).

1925 г.

Г. РЯЗАНЬ

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. И. И. Лебедева. Современное состояние Вожской засеки 1 стр.
2. Э. А. Городцов. Древние Рязанские монеты 14 „
3. И. Г. Низев. Положение краеведческих работ на территории бывш. Елатомского уезда 17 „
4. К вопросу о гранях и метлах (заметка) 20 „
5. Отчет о деятельности О-ва Исследователей Ряз. края за 1925 год. 22 „
6. Хроника 30 „
7. Библиография 31 „
8. От редакции 32 „

1463 2913
100

1463

9
13-58.5

ВЕСТНИК РЯЗАНСКИХ КРАЕВЕДОВ.

№ 4—1925 г.

— О Р Г А Н —

Октябрь.

Общества Исследователей Рязанского Края.

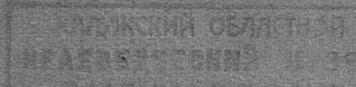
Современное состояние Вожской засеки*).

Долина р. Вожи бесспорно представляет одно из интереснейших мест в историческом отношении. Здесь проходила засечная черта, известная под именем „Рязанской Вожской засеки“ (Рязанских засек было 2—Вожская и примыкающая к ней Красносельская). Здесь пред нами маленькая частица тех оборонительных линий от набегов крымцев и ногайских татар, которые тройным кольцом опоясывали Юго-Восточную окраину Московского государства. Вожская засека была среди этих рядов укреплений в самом ближайшем звене к Москве, в передовой линии борьбы—Рязань—Тула—Одоев—Белев—наиболее рано возникшей, наиболее древней по своему происхождению (проф. Яковлев считает ее уже существующей в XV веке. „Яковлев А. И. Засечная черта Моск. госуд. в XVII веке. Москва. 1916. Стр. 51“) и наиболее ответственной по своему назначению—последней преградой при наступлении татарской конницы на Москву,—поэтому наиболее заботливо оберегаемой и поддерживаемой и имеющей за

собою в тылу главные Московские силы. Засеки были одним из разнообразных средств обороны, которыми пользовалось Московское государство для борьбы со степью, одним из способов разрешения трудной задачи—самообороны.

Засека, в самой простой форме—это лесной завал, груды деревьев, поваленных на лесной опушке, в прогалинах между перелесками, на лесных дорогах. Засека в Московском государстве—это сложная система укреплений из валов, рвов в безлесных местах, городков и острожков в наиболее бойких местах, на больших проезжих дорогах, кольев набитых на дно реки, наплавных бревен с дубовыми гвоздями, опущенными в воду, надолбов, пополняемых засечным лесом в лесных районах—в целом представляющая полосу отчуждения от нескольких десятков саженей в ширину до 20—30 верст, тщательно охраняемую от проложения дорог и стежек и порубок деревьев в заповеданных лесах. Засечная черта в XVII веке, собравшая в стройную систему искусственные укреп-

*) Доклад прочитанный в социально-историческом отделении Общества Исследователей Рязанского края 23 окт. 1921 г.

ления, бывшие раньше, и вновь создаваемые, комбинирующая их с естественными преградами—болотами, лесами, озерами, как бы впитавшая в себя различные элементы оборонительного дела—является живой иллюстрацией ряда веков.

В своем докладе мне и хочется познакомить наше Общество Исследователей Рязанского края с теми немногими наблюдениями, которые мне пришлось собрать в нынешнем * году *) летом. Мой доклад вовсе не претендует дать что-либо исчерпывающее. Об этом свидетельствует и его содержание, и также факт его появления—это результат не научных изысканий, а эстетических бродяжничеств с учениками и преподавателями нашей школы—колонии в сочетании со счастливыми случайностями—жизнью в течение двух месяцев в долине р. Вожи и счастьем нахождения городков.

Мое изучение Вожской засеки шло в трех направлениях. **Во-первых**, надо было зарегистрировать все остатки Вожской засеки: это необходимо с одной стороны для составления археологической карты Рязанской губ., что является ближайшей очередною задачею нашего Общества Исследователей Рязанского края, как первый шаг к систематическому изучению древностей края, как необходимое задание для выработки плана дальнейших исследований; с другой стороны, для ознакомления с местонахождением памятников старины, которые можно было бы использовать для экскурсий, приобретающих громадное педагогическое значение. **Во-вторых**,—составить подробное описание засечных укреплений, необходимое для определения типов городков, для

изучения отдельных деталей техники сооружения городков. Археологических раскопок я производить не могла, поэтому все выводы могла строить, лишь на исследовании поверхности памятников. Здесь я руководствовалась программой XII Харьковского Археологического съезда; основные пункты ее следующие: 1) точное обозначение пункта нахождения, 2) название местности и самого городка (названия бывают очень показательными), 3) форма, площадь, расположение оврагов, рвов, валов, техника валов, въезд в городок—с оставление планов, рисунков, делание снимков. **В третьих**,—собрать все народные объяснения и предания, связанные с отдельными пунктами засеки. Народные воспоминания должны быть связаны с засекой—тут шли бои, столкновения с татарами, эпизоды, оставляющие крупные следы в народной памяти. Да и самые работы по обнаружению и охране должны были остаться в памяти—ведь, к ним призывалось местное население, или в виде засечных голов, старост, сторожей, которые должны были охранять засечные пункты—свои грани, или путем мобилизации выполнявшее те или другие работы по обороне, или сооружению укреплений—работы принудительные, тяжелые, бесплатные, продиктованные тяжелыми финансовыми кризисами Московского государства, строившего всю систему своего управления на принудительном крепостном труде.

Итак, приступаем к обозрению Вожской засеки.

Начиналась засека от р. Оки, приблизительно от того места, где теперь р. Быстрица впадает в Оку (гор. Рязань в состав Вожской засеки не входил)—я говорю „теперь“, ибо картина нашей Рязанской карты в этом районе была несколько иная. „Впала та река Вожа в реку

*) В 1921-ом.

Быстрицу, а Быстрица в реку Трубеж“,—говорит дозорная книга Жолобова 1659 г. (Рязанские засечные книги XVII в., изд. под ред. В. Н. Сторожева. Рязань. 1890 г.). Остатки старых русл говорят о том же. И, сняв план данной местности, легко можно было бы составить карту течения этих рек в XII веке. Мне же пришлось занести на карту лишь от руки.

Все пространство от р. Оки по Быстрице было покрыто заповедным лесом, среди которого от р. Оки до Твердина озера, за Орлевою Поляною, против дер. Семчино шли надолбы (Доз. книги Солнцева 1632 г. и Жолобова 1659 г.—см. изд. В. Н. Сторожевым Ряз. засечные книги). Крестьяне села Семчино показывали мне „Твердино болото“, теперь оно уж не озеро; название „Орлева Поляна“ исчезло из памяти, надолб не осталось. Бывший заповедный лес весь срублен, и все это место представляет ровный луг, который крестьяне называют „засекой“, иногда даже „Вожской засекой“ и объясняют,—„здесь проходила Вожская засека, весь луг был отчужден под нее“.—Объяснение, как мы видим, вполне удовлетворительное.

Далее, против дер. Перкаль—ров и земной вал от Козьего болотца через Бопкову поляну до Бопкова в 53 саж. (Дозорная книга Жолобова 1659 г. см. Засечные Ряз. книги, изд. В. Н. Сторожевым). Мне показывали Козье болотце, существующее и поныне, но Бопковой поляны не помнят. В районе Козьего болотца остались лишь жалкие остатки вала и рва, которые, пожалуй, и валом не назовешь. Это был типичный болотный вал, на непрочность которого жалуются и сами современники. Дозорные сторожа в засечных книгах неоднократно заявляют: „валы обоглялись, рвы оплыли“ (Дозорная

книга Бакшеева 1632 г.—Ряз. Засеч. книги, изд. В. Н. Сторожева). И они постоянно чистят рвы и насыпают валы.—В этом же районе были построены косые острожки по обе стороны р. Вожи (см., Яковлев, Засечная черта Московского государства XVII в., стр. 144), но уже в донесениях Солнцева 1652 г. (см. изд. Сторожева Ряз. засеч. кн.) мы читаем,—„многие острожки-то вешняя вода повымыла“,—однако, несмотря на это на карте засечной черты у проф. Яковлева (см. книгу „Засечная черта Моск. госуд.“) есть знак треугольника, указывающий на существование в этом районе крепости-городка; едва ли это был городок, который могла смыть вешняя вода. Такая разноречивость сведений о данном районе заставила меня напрячь все силы к розысканию городков. И вот, на левом берегу Вожи было обнаружено три городка.

Первый городок находится между деревней Сидоровка и дер. Аблово, недалеко от Козьего болотца, около деревень, входивших в черту отчуждения засеки. Городок расположен на высоком откосе, мысу, при впадении р. Кунавни в р. Вожу. Среди местных жителей он слывет под именем „кургана“. Городок имеет очень уютный привлекательный вид, частью зарос кустарником—шиповником, орешником; с городка открывается дивный вид на долину р. Вожи и на Рязань. Северо-Восточная часть городка значительно обвалилась, обвал произошел так удобно, что получился разрез восточных валов. На сажень глубины, считая от вершины вала, приблизительно на уровне площади городка, виден прослой угля; по форме углей можно определить, что обожжены были ветки (см. музей школы II ступени при РИНО, Абловский городок—табл. 1). Около слоя угля—

слой красноватой плотной глины; кусочки глины я давала на исследование, глина оказалась обожженной. На $\frac{1}{2}$ саж. выше от первого слоя—второй слой такого же угля и глины. Таким образом, получается вал, состоящий из нескольких слоев—обожженная глина, уголь, необожженная—и опять такой же слой. Выясняется и способ устраивания валов: клали ветки, закрывали глиной, ветки сжигались, нижняя часть глины обжигалась, верхняя нет, затем накладывали новый костер. Ясно, такое устройство вала обеспечивало ему значительную прочность. Что такое устройство практиковалось, на это указывают результаты раскопок городков в других местах, напр., раскопки, произведенные А. В. Селивановым, Кириллова городка (см. Тр. Ряз. Уч. Арх. Ком. 1890 год., вып. II). Разница Абловского городка с Кирилловым лишь в том, что в последнем слой угля образовался от обожженных больших бревен. Возникает вопрос—что за причина такого различия? С одной стороны, можно предполагать, что если городок создавался в XVII веке, то к этому побудил недостаток леса—кругом был заповеданный лес, и строительный материал приходилось привозить из далека, на что постоянно жалуются деловцы, работавшие по восстановлению засечной черты в 1634 г. (см. книгу Яковлева, стр 142). С другой же стороны, можно объяснить случайностью—в данную сторону были обращены вершины деревьев; я, не производя раскопок, не могла определить—были ветки или стволы деревьев на другой стороне (так, как строились часто валы*).

* Указание Ст. Дм. Яхонтова во время чтения моего доклада в Общ. Иссл. Ряз. края 23 окт. 1921 года.

Валы окружают городок с двух сторон, с восточной и западной, с каждой в два ряда; вход в городок с запада. Интересен второй ряд восточных валов—он образовался на самом откосе, ниже верхнего вала, образовался от выемки рва на естественном бугре. С запада—ширина второго рва от 1 до $4\frac{7}{8}$ саж. (2—10 м.), длина $29\frac{1}{3}$ с. (64 м.); длина вала та же, ворота шириною в $1\frac{5}{6}$ саж. (4 м.) на $19\frac{5}{6}$ (28 м.—считая с С. края), ширина $6\frac{3}{16}$ с. ($13\frac{1}{2}$ м.), высота $1\frac{7}{48}$ с. ($2\frac{1}{2}$ м.), ширина наверху $1\frac{1}{4}$ с., ширина первого рва 2 м. ($11\frac{1}{13}$ саж.), длина первого рва и вала $15\frac{2}{3}$ с. (34 м.), ширина $12\frac{5}{6}$ с. (28 м.), высота над уровнем городка 2 с. (4 м.), высота над рвом $2\frac{3}{4}$ с. (6 м.).

Восточные валы и рвы:

Второй нижний вал—длина 16 с. (35 м.), высота над уровнем р. Кунавки $17\frac{3}{24}$ с. (5,3 м.), при отлоге 14,6 м.), ко рву (2 м.) $11\frac{1}{12}$ с. (при отлогости 6,3 м.), ширина вала у основания $8\frac{7}{8}$ с. (20 м.), ширина наверху $11\frac{1}{16}$ с., ширина рва $3\frac{5}{24}$ с. (7 м.), к югу суживается до $11\frac{1}{12}$ с. (2 м.), к северу до $2\frac{4}{27}$ с. (5 м.);

Первый верхний вал—высота над уровнем городка $11\frac{1}{27}$ с. (1 м. над уровнем рва $2\frac{3}{4}$ саж., длина около 13 саж.

Площадь городка = $\frac{1}{8}$ десятины.

Высота городка над уровнем р. Кунавки = 5 саж.

Вся площадь городка покрыта дерном и обнаружить культурных остатков не удалось.

Верстах в 4-х от дер. Аблово, вверх по течению р. Кунавки, на высоком мысу при соединении двух оврагов, в 1-й версте от дер. Шишкино, влево от дороги, идущей из с. Кузьминского в с. Рыбное (пробита крымскими татарами в 1634 г.; дер. Шишкино в число деревень засечной черты не вошла) расположен городок. Он живописно зарос кустарником. Пло-

щадь городка и часть валов распаханы. Среди пашни найдены остатки горшков, судя по работе разнообразных эпох; некоторые из них могли попасть на пашню с вывозимым удобрением, но некоторые из них напоминают горшки с Ольговского городка (см. музей шк. II ступ. при РИНО, табл. II.—Шишкинский городок и табл. IV—Ольговский городок).

Площадь городка равняется $\frac{1}{8}$ десятины, высота ее над уровнем оврага $3\frac{2}{3}$ саж. С западной и восточной стороны валы и рвы. Восточный 2-й вал: длина 60 саж. (часть обвалилась), ширина наверху $\frac{2}{3}$ саж., у основания 7 саж., высоты 1 саж. Ширина рва— $2\frac{1}{8}$ саж.

1-й верхний восточный вал: длина $8\frac{1}{2}$ саж., ширина $2\frac{1}{3}$ с., высота 2 саж.

Западные валы—2-й длина 72 саж. высота $\frac{1}{4}$ саж., ширина рва 5 саж. 1-й вал—длина 36 саж., ширина $7\frac{1}{2}$ у основания, наверху 1 саж., высота над уровнем городка $1\frac{1}{4}$ саж., ко рву 2 с. Выход с северо-запада. По боковым сторонам валов, примыкающим ко входу—обнаружен прослойка угля—от обуглившихся больших деревьев и слой обожженной, красной, плотной глины.

В 6 верстах от Абловского, а также от Шишкинского, городков, около с. Митинское (входившего в засечную черту) расположен 3-й городок, который как бы замыкает собою равнобедренный треугольник, образуемый этими 3 городками: у основания—Абловский и Митинский, у вершины—Шишкинский. Городок стоит на высоком бугре при впадении р. Волынки в р. Вожу, откуда открывается великолепный вид на г. Рязань. По склону городок живописно оброс кустарником—шиповником, орешником.

Площадь городка, частью распаханная, равна $\frac{1}{6}$ дес. Высота над уровнем долины р. Вожи—6 саж.

Вход в городок с востока. Валы окружают городок тройным рядом с 3 сторон,—с севера, востока, юга

Ширина внутреннего вала $7\frac{1}{3}$ с. (16 м.), ширина рва $2\frac{3}{4}$ с., высота вала от площади городка 1 саж., ко рву $1\frac{1}{2}$ с. Ширина 2-го вала— $2\frac{1}{2}$ с., высота ко рву $\frac{1}{2}$ с., ширина 2-го рва $1\frac{5}{8}$ саж. Максимальная высота 3-го вала $1\frac{1}{2}$ саж. Длина 1-го вала 96 саж., 2-го вала 212 саж. и 3-го 119 саж. Интересно расположение 3-го вала: он начинает постепенно возвышаться по мере того, как сходит на нет 2-й вал, 3-й ряд валов образован от вырытия рва на середине естественного бугра, так что он не представляет из себя насыпного вала (см. планы городков, таблица 1).

Существуют народные сказания об этих 3-х городках. Один мужик, проезжавший с возом сена около Шишкинского городка, когда мы там производили измерения, рассказал: „давным давно во время оно, когда жили богатыри, был здесь городок и на нем жили богатыри; точно также городки есть около дер. Сидоровки и Митинского; кругом был лес дремучий и богатырям нужно было дров нарубить, был у них у всех троих один топор, как нарубит один дров, то перекидывает топор другому, а тот третьему... Говорят здесь клад зарыт“ добавляет рассказчик. А об Абловском городке один мужик мне говорил „мой дед нашел клад, да потерял и мне не сказал, где искал“, другой же об этом городке сообщил „это был наблюдательный пункт, отсюда Рязань видна; вот когда увидят неприятеля, то давали знать ракетами или сигналами в Рязань“. Таким образом, народное предание объединяет городки одной эпохой по их возникновению, рассказывает о богатырях живших на них (не есть ли это отголосок богатырской заста-

вы), о кладах, хранящихся в их недрах и указывает на связь их с Рязанью, как сторожевых пунктов со своею крепостью.

Возникает вопрос. Относились 3 найденных городка к Вожской засеке, или нет? Мы видели, что письменные сведения об укреплениях данного района разноречивы—это разноречие, конечно, можно объяснить тем, что засека существовала не год и не два, а десятки и сотни лет, и в период своего долгого существования она, конечно, изменилась; возможно, что под давлением опасности с той или другой стороны, одни укрепления усиливались, другие уничтожались. Но здесь и эти доводы мало помогут,—дело в том, что указания проф. Яковлева относятся к восстановлению городков 1638 г., а сведения засечных книг, более позднего времени — 1654—1672 г. Следовательно, возникшие не могли так скоро утратить свое значение, тем более, что смысл существования Абловского и Шишкинского городков подтверждается, пробитой в 1634 г. крымскими людьми, дорогой из с. Рыбное на Кузьминское, городки как бы охраняли путь по этой дороге. Так что свое значение городки могли приобрести лишь после 1634 г. Но в таком случае, какую роль играл Митинский городок? Раз'единять же эти городки по различным эпохам мы не имеем никаких данных—однообразная конструкция их с одной стороны,—об'единение народным преданием городков вокруг одной эпохи с другой,—все говорит за наше право признать их родными братьями, живущими и действующими в одну и ту же историческую эпоху. Около Митинского городка проходит старая зимняя дорога на Москву, но и этот факт не говорит многого—ведь, зимою татары нападений не дела-

ли,—набеги татар возможны были лишь весною и летом, когда выростала в степи трава. Против включения этих 3-х городков в засечную черту говорит и их существование на левой стороне р. Вожи—ведь, болота, леса, сама Вожа были и так хорошей защитой. Правда, „при построении засечной черты предусматривался случай подстерегания татар в черте при обратном движении из набега—черта была обращена не только на юг, но и на север. Особенно это сказывалось в устройстве ворот“, (Яковлев „Засечная черта Московского государства“, стр. 19), но каких же татар стал подстерегать Митинский городок раз не было пролома в данной местности?! Еще есть одно обстоятельство, которое могло бы помочь решить вопрос об этих городках—это сравнение их укреплений, как типа военных укреплений, с типичными укреплениями Вожской засеки, но это можно будет сделать, лишь, пройдя всю Вожскую засеку в конце моей работы. Сейчас же считаю уместным лишь высказать одно предположение, которое у меня возникло совсем внезапно и было, главным образом, навеяно видом с этих городков на Рязань. Такие соображения, навеваемые под влиянием иногда непосредственных впечатлений во время исследования, мне кажется, иногда могут быть и ценными. У меня явилась мысль—не имели ли эти городки другого значения, помимо городков Вожской засеки, не были ли они фортами Рязанского княжества в борьбе его с Москвой, ведь, как раз здесь, проходила старая зимняя Московская дорога, защищаемая с востока Окой, а в этом угле, как раз и шли нападения Москвы на Рязань, напр., битва при Скорпищеве 1371 года (см. Еп. ведомости № 20, стр. 448).

Между деревней Аблово и Полтево (левый и правый берег Вожи), Сидоровской и Рыбное опять идет громадный заповедный лес (донесение Жолобова 1659 г. и Солнцева 1652 г.); теперь есть остатки этого леса в виде одиноко стоящих лип, берез и кустарника. За лесом, вверх по течению Вожи начиналось громадное Комариное болото, проходящее от с. Рыбное до с. Истоппики, через это болото проходил вал и ров (донесение Жолобова). Мне десятки раз приходилось переходить через это, уже высохшее болото, но следов рва я не нашла: как болотный вал, он давным давно заплыл. Миновав Комариное болото, мы подходим к местности называемой Глушица. Здесь тоже должен быть засечный вал (донесение Жолобова 1659 г.), но следов вала не обнаружено, что же касается болота, то до сих пор здесь очень порядочное и глубокое болото, „Глухово“. „Глушица“, можно произвести от слова „глушь“ и от слова „глухой“, понимая последнее в смысле замкнутого пространства; и тот и другой корень вполне гармонирует с засечной чертой. Интересно и тот факт, что на протяжении всей Вожской засеки, также Глуховы болотца встречаются в 3-х местах: около с. Митинского, около Камариной поляны и у Дураковских ворот. Сначала такое разнообразие приводило меня в смущение при изучении засечных книг; и только недавно я убедилась, что здесь говорится о разных болотцах и озерах. Не было ли название „Глухово болото“ названием типа болот, а не индивидуальным названием?

В версте от Глухова болота р. Меча впадает в Вожу; об этом месте сохранилось предание. „Около нашего села (здесь село Василево, ошибочно называемое у пр.

Яковлева Васильево см. стр. 25) давным давно, еще до француза было сражение с татарами. Русский князь Владимир стоял на горе у дер. Нов. Василево, (которой тогда не было) и смотрел в подзорную трубу, как татары переправлялись через Вожу; как только враг переправился, ударами по нем загнали его в угол при впадении р. Мечи в Вожу, около стоявшей здесь липы; последнюю недавно срубили но пень еще есть, перебили татар, но часть их переправилась через Вожу, и пошла на Рязань; Рязань отразила их, татары пошли к Ольгову городку, и городок их отразил, они на Богослов, где и основали мечеть“. Весь этот рассказ какое-то сплетение книжных сведений и в нем полное отсутствие исторической перспективы. Интересно лишь в нем знание об Ольговом городке. Откуда оно попало в народную среду: из книги или как отголосок далекого времени, сохранившийся в памяти народа? Интересно также проверить было ли в данном месте когда нибудь сражение, или только книжные сведения были приурочены к своей родной местности.

Начиная со впадения Мечи в Вожу, я приступила к поискам Введенских ворот. Ворота в засечной черте—это ряд укреплений, сооруженных обычно на месте пропуска населения через засечную черту; особенно сложное устройство бывало при пересечении большими дорогами засечной черты. Розыскать Введенские ворота было нелегко. Сведения об их местонахождении засечные книги дают следующие „в пустоши Мишиной“ (дозорная Солнцева 1652 г.) „в заповедном лесу, в Введенских воротах с русской стороны р. Вожи на проезжей Московской дороге поставлен городок“ (дозорная Жо-

лобова 1659 г.) на 1 в. 300 саж. от с. Баграмова. Пустоши Мишиной в настоящее время крестьяне не знают. По какую сторону села Баграмова искать городок? Теперь большая дорога на Москву проходит около дер. Василевой, следовательно, вниз по течению р. Вожи от с. Баграмова. В этом районе я и искала городок но . . . не нашла. Совершенно случайно у меня явилась мысль—может быть современное шоссе на Москву проложено не по старой дороге. Стала расспрашивать. Долго не могли меня понять—что мне нужно, наконец, один мужик говорит—„это вам нужно старую трактовую, ветелочную дорогу? Идите от села Баграмова вверх по Воже, там в $1\frac{1}{2}$ верстах от села есть хутор Левушкина, вот около этого хутора старая ветелочная дорога пересекает р. Вожу“. Отправилась туда, и старик Левушкин показал мне городок. Название этого городка Введенскими воротами никто не знает; хотя старик Левушкин оказался знатоком местных валов, но относительно названия городка заявил: „от дедов не слыхивал такого названия“. Городок этот на высоком бугре, влево от б. дороги при впадении небольшого ручейка в Вожу, высота бугра $3\frac{2}{3}$ саж. (8 м.), Городок весь зарос березняком, орешником, терновником настолько, что трудно его измерять. Площадь его равняется $\frac{1}{8}$ десятины. С восточной стороны, обращенной к полю, есть один ряд рва и вала, длина вала $46\frac{7}{24}$ саж. (101 метр), высота вала над уровнем городка равна $1\frac{1}{4}$ с. ($2\frac{1}{2}$ м.) и $1\frac{1}{2}$ с. (3 м.) над рвом. Очень интересна дорожка ведущая к воротам. Поднимаясь снизу по уступам бугра, дорожка огибает половину окружности городка, прежде чем достигает ворот, которые обращены на восток.

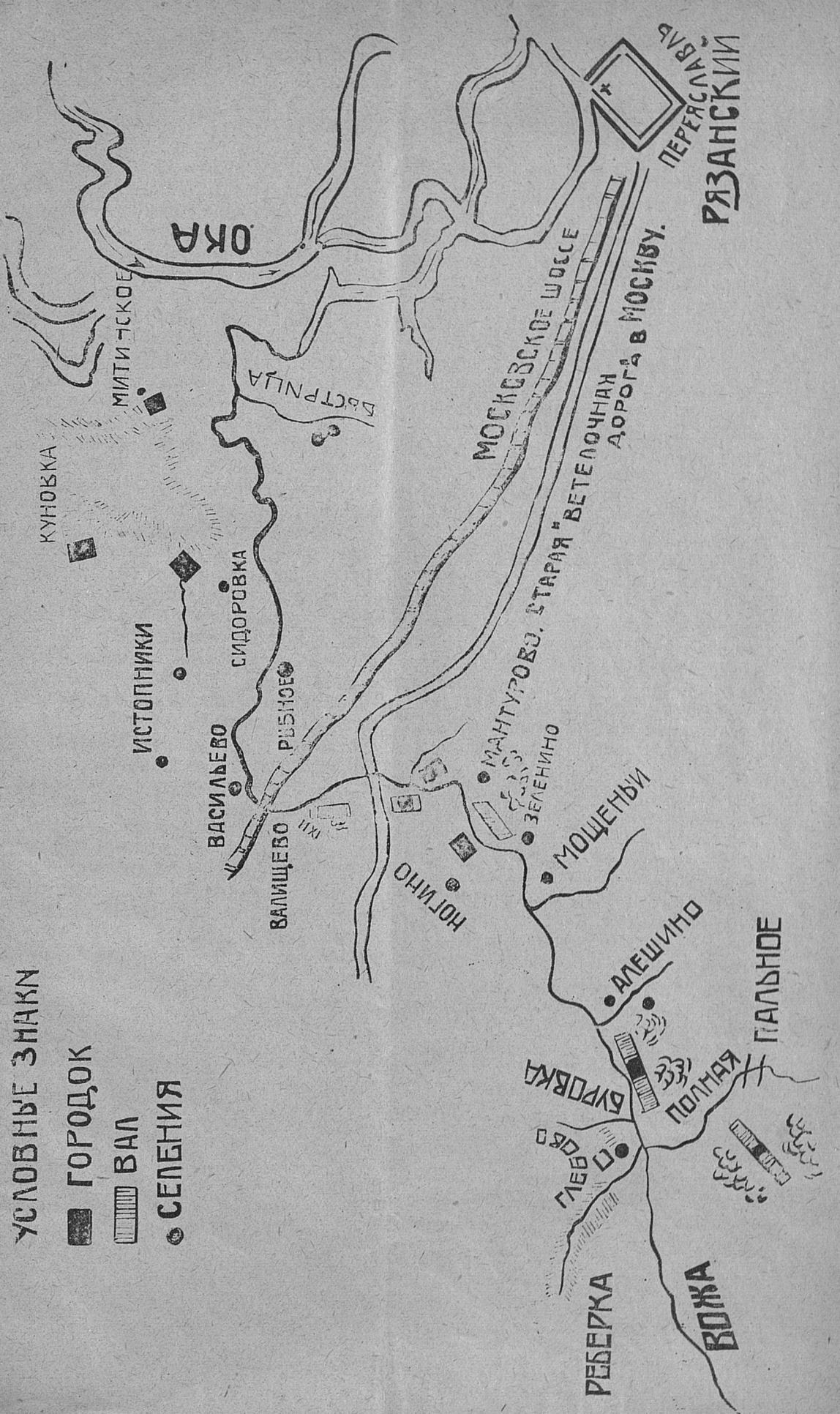
Когда смотришь на этот густо заросший городок, на эту причудливо извивающуюся дорожку, невольно вспоминается фраза дозорных книг „в пустоши Мишиной, в заповеданном лесу есть стежка, в Введенских ворот городок“, (донесение Солнцева 1652 г.) и ясно представляется среди непроходимого леса маленькая тропочка, ведущая к городку. Укрепления Введенских ворот не ограничивались одним городком, в систему этих укреплений входили также ряд валов, расположенных вокруг городка по обе стороны р. Вожи. К западу от городка, ближе к большой дороге есть полукруглый вал, но от него остались $4\frac{1}{8}$ саж. (9 м.), возможно, что здесь был городок, так как по донесению Порошина в дозорных книгах 1659 г. есть указания и на 2-ой городок у Введенских ворот, но теперь трудно решить—бывший кирпичный завод разрыв оставшиися валы; по показаньям Левушкина можно предполагать, что здесь был 2-й городок. За кирпичным заводом по направлению к дороге есть еще остатки валов 6 с. (13 м.) длиной. По другую сторону дороги, за ригой Левушкина зигзагообразный в $32\frac{1}{2}$ с. (60 м.) с перерывом по середине в 3 саж., высота вала $\frac{1}{4}$ саж. За валом в сторону поля видны ямочки, расположенные в шахматном порядке. По местным преданиям—во 1-х, это место, где зарыты медные горшки с золотом, во вторых, это ямочки, в которых прятались в засаду сражающиеся. Мне же кажется, что это место бывших надолб. По другую сторону р. Вожи, саженьях в 100—200 от берега еще 2 вала по обе стороны дороги: один в 25 саж., другой в 17 саж.; часть 2-го распахана; раньше, говорят, он был много длиннее. Высота валов—около сажени. Таковы укрепления Введен-

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

■ ГОРОДОК

▨ ВАЛ

● СЕЛЕНИЯ

ОКА

МИТИНСКОЕ

КУНОВКА

ИСТОПНИКИ

СИДОРОВКА

ВАСИЛЬЕВО

ВАЛИЩЕВО

РУБНОЕ

МОЩЕНЬКИ

МАНТУРОВО

ЗЕЛЕНИНО

АЛЕШИНО

ГАЛЬНОЕ

РЕБЕРКА

ВОЖА

БУРОВО

КАЧЛОУ

МОЩЕНЬКИ

ЗЕЛЕНИНО

МОСКОВСКОЕ ШОССЕ

СТАРАЯ ВЕТЕЛОЧНАЯ ДОРОГА В МОСКВУ

ПЕРЕСЛАВЛЬ

РЯЗАНСКИЙ

STWICKIN
NINCHIMST
MAY 1971

AMOR

SEDEKA

AMOR

SEDEKA

AMOR

ских ворот по сохранившимся до нашего времени остаткам. Все эти остатки говорят, как сложно было укрепление ворот. Засечные книги указывают еще на существование отводных острогов по обе стороны дороги, на ряды надолб, на башни у самого моста на берегу реки. Все это делалось что бы проезжающий по дороге был виден со всех сторон и чтоб не мог он проехать другим путем, кроме указанного.

Миновав Введенские ворота, мы вступаем во 2-ое звено Вожской засеки (см. „Засечная черта Московского государства“ пр. Яковлева стр. 145). Дозорные книги 1632 г. Введенский участок считают от введенских ворот до Дураковских. Около дер. Войнюково, около р. Коги сохранился вал высотой около $\frac{3}{4}$ саж., длиной саж. 20, часть вала разрыта, покрыта ригами, избами. Между дер. Мантурово и Зеленино тянутся два громадных вала, которые, соединяясь вместе, образуют оваловидное укрепленное пространство. Начинаются эти укрепления со рва от поля, $1\frac{1}{3}$ с. глубиной и 2 саж. шириной, параллельно рву тянется вал высотой 2 арш. (при откосе 2 саж.) местами доходит до 2-х саженой. На 15 с. от 1-го вала, параллельно ему тянется 2-й вал, высотой полсажени (при откосе 4 саж.). Длина рва и обоих валов 380 саж. У своих концов валы сливаются вместе. Около д. Зеленино часть валов испорчена. Поэтому валы получились несколько короче, сравнительно с данными засечных книг (в засечн. книгах длина валов 495 саж. Порошин 1659 г.) Внутри укрепленного пространства, перед 2-м валом ряд ямок, расположенных в шахматном порядке — вероятно, остатки мест, где были вбиты надолбы, которые шли параллельно валу. Против с. Горяиново, по другую сто-

рону р. Вожи, в землях с. Ногина, на Романовой поляне существует небольшой вал, всего 20 саж. В районе села Ногина тянется порядочный лес, который раньше был засечным лесом (донесение Порошина 1659 г.). „Еще недавно в этом лесу“, рассказывали мне местные крестьяне, „были громадные липы и дубы в несколько обхватов“.

В 1 версте от дер. Зеленино находится с. Моцены; на берегу реки Моценки должен быть вал (донесение Порошина 1659 г.); по запросам местных обывателей, обнаружить существование этого вала не удалось, исследование же местности происходило поздним вечером, в другой же раз попасть в эти края не удалось, так, что это место приходится оставить под вопросом. Миновав дер. Алешню, идя по дороге к мельнице, лугами, мы подходим к Дураковским воротам.

Валы начинаются от Семеновой поляны, которую крестьяне великолепно знают. Длина вала до городка 205 саж. Высота вала к лугу, к долине р. Вожи 2 арш., по отлогу $2\frac{1}{3}$ саж. С полевой стороны параллельно валу идет ров, высота вала ко дну рва 2 арш., при отлоге $2\frac{1}{3}$ саж., глубина рва от уровня поля 1 арш. при отлоге $2\frac{1}{3}$ саж. (см. табл. IV), в том месте, где проходит дорога, устроен городок по одну сторону дороги, а по другую — закругленный вал. Высота валов городка 1 саж., при отлогости в 2 саж.; ширина вала на углу $3\frac{1}{3}$ саж., высота вала над уровнем городка $\frac{2}{3}$ с. при отлоге $2\frac{1}{3}$ с. Площадь городка = 529 квадр. метров = $\frac{1}{40}$ десятины.

Длина загиба вала на другую сторону ворот $7\frac{1}{2}$ саж.; высота та же как и у городка. По обе стороны прежней дороги, параллельно ей до р. Вожи тянутся рвы шириной $6\frac{1}{2}$ саж. и высота в 1 арш.

От городка, по направлению к Глебову Городищу, до впадения р. Буровки в р. Вожу, тянется такой же по высоте вал, какой мы видели от Семеновой поляны до Дураковского городка. Длина этого вала 245 саж. Дураковские ворота великолепно знает местное население, любой житель данной местности может их показать. Существует ряд преданий о них. Мельник живущий около Дураковских ворот, рассказывал мне: „Отец мой жил в Москве приказчиком около Сухаревой башни. Однажды, пошел он за расчетом к своему хозяину и тот, узнав, что мой отец из Бахмачеевской волости Ряз. у., рассказал все, что читал в книгах хранящихся под Сухаревой башней. В этих книгах все можно прочитать о нашей старине. И хозяин рассказал моему отцу, что в Волчьих воротах (так мельник называл Дураковские ворота и объяснял, что они так называются потому, что Алешинский барин Нарышкин лавливал здесь волков, хотя местность эту и он сам называл Дураково,—странная путаница—ведь, все местное население называет эти ворота „Дураковскими“. Но на своей поправке я не стала настаивать, считая, что рассказчик просто перепутал названия) есть крест на мраморной подставке, но не всем суждено его видеть. Вот кто его увидит, тому будет дана тройка лошадей, и поедет он в Нестеров монастырь. Ты спросишь где этот Нестеров монастырь? А монастырь этот на Дорожской горе. Вот что говорят книги об наших местах“.

Рассказчик вел свою беседу с удивительным увлечением. Заметно было, что ему самому было интересно объяснение лежащих около него исторических памятников. Интересна ссылка рассказчика на книги, а не на предание: здесь

очень характерно уважение к книге вообще. Во время бесед и с другими крестьянами мне очень часто приходилось встречать замечания „старики, знавшие старину, умерли и нас не научили“. Другие даже смеются над рассказами стариков. Третьи заявляют: „А вот книги бы почитать, там все написано, оттуда все можно узнать“.

В рассказе мельника фигурирует Нестеров монастырь, о котором он говорит с особым подъемом. Важно было выяснить роль Нестерова монастыря в народном предании. Мне лично эта роль не известна. Есть и другие рассказы о Дураковских воротах. Около Семеновой поляны есть затон Вожи. Называется он „Дураковским болотцем, озером, омутом“. Косарь в поле около Семеновой поляны мне рассказывал: „в этом омуте, говорят, есть громадные железные ворота, под воротами клад, а клад охраняет какой-то зверь не то дракон, а может быть, и другой“. Баба из Пальновских выселок сообщила об этом же омуте: В омуте колокол, он сброшен татарами с Глебова Городища во время битвы с татарами. Рыбаки часто рвут свои сети об этот колокол, и при ударе он звонит. В омуте много оружия, его часто в старые времена находили“.

В этих 2-х рассказах интересна—память о драконе как о чудовищном звере, и трафаретность рассказа о затопленном колоколе, сброшенном неверными в реку.

Поднимаясь вверх по течению р. Вожи от Дураковских ворот, мы вступаем в 3-е звено Рязанской Вожской засеки. Не более как в верстах 2-х от Дураковских ворот, на высоком берегу, при впадении р. Реберки в р. Вожу красуется с. Глебово Городище, бывший город Глебов. С XI века

укрепления этого города были включены в засечную черту. Площадь самого городка и его валы трудно исследовать, так как он занят церковною усадьбою. Глебово Городище особенно замечательно своим культурным слоем, который залегает чуть ли не в несколько аршин толщиной и заметен не только в обвалах самого городка, но и на широком пространстве вокруг самого укрепления, что указывает на наличие в городе „Кремля“, как укрепленного пространства, и примыкающего к нему посада, поселка вокруг крепости. Среди собранных нами культурных остатков попадались черепки, похожие на горшки Ст. Рязани и Ольговского городка (XI—XII век). Внизу, у самой реки сохранились небольшие остатки вала, около 15 саж дл. и 1 арш. высоты. Немного вверх по течению р. Реберки, существует место, которое и теперь называется „лесной завал“. Здесь впервые мне удалось познаться с типом устройства лесного завала. Овраг, по которому течет река, перехватывается валом, длина его по одну сторону 20 саж, по другую сторону 40 саж., от последнего идет еще отводный вал, параллельно реке на 34 саж. Такое перехватывание оврагов, по которым течет река, имело большой смысл, так как татары при своем наступлении часто шли по течению рек.

От Глебова Городища до Волчьих ворот шли надолбы (донес. 1652,) почти непрерывной стеной и заповедный лес (донес. 1652), со своими густыми завалами. Волчьи ворота находятся среди леса, между с. Пальное и с. Пальновские хутора, около самой дороги соединяющей эти два поселка. Эти ворота представляют из себя, как и Дураковские, систему валов, среди которых находится городок.

В полверсте от села Пальное начинаются 3 параллельно идущих вала и 3 рва. В ширину эти рвы и валы занимают площадь около 10—11 саж., высота их разнообразна от 2 арш.—до 2 саж. валы идут на протяжении 240 саж. Здесь 2 вала сливаются вместе, а 3-ий вал делает полукруг. Это место прорезано воротами, далее идет уже 2 вала и 2 рва параллельно друг другу на протяжении 700 саж. (см. табл. VII и VIII); что это действительно Волчьи ворота подтверждается самым устройством их. Я указывала, что высота и глубина рвов разнообразна, получается впечатление, что это не один сплошной ров, а какие-то ямы. Указанное место крестьяне и теперь называют „Ямами“. Засечные книги и указывают на возведение рва в виде ям. „К Красносельской засеке (Волчьи ворота как раз находились недалеко от Красносельской засеки; см. Яковлев „засечная черта Московского государства“ стр. 25 и 159, донесение Авксентьева, засечные книги изд. Сторожева § 10) к засеку копан ров, а возле его были копаны ямы с русской и польской стороны, а в ямах был частичек и вал насыпан, а возле рва были 2 острога и надолбы“ (донесение Бакшеева 1632 г.). В некоторых донесениях городок Волчьих ворот называется Зеленов городок. Это долгое время меня вводило в сомнение. Теперь же я, не найдя в этом районе городка, кроме Волчьих ворот, убедилась, что Волчьи ворота и есть Зеленов (или Земляной) городок. При детальном изучении засечных книг это можно доказать и самым текстом. Например, донесение Аксентьева озаглавлено „Волчьи ворота“, а в тексте говорится о Зеленом городке а в донесении 1659 г. говорится, что Зеленов городок на засеке Вожской с Красносельской засекой.

Итак,—одна из Рязанских засек Вожская пройдена. Теперь мы можем подвести кое-какие итоги. Что же сохранилось? Пред нами еще стоят городки и валы, есть и жалкие остатки лесов и болот. Надолбы, острожки—погибли безвозвратно. Однако, и по тем остаткам, которые дошли до нас, картина устройства Вожской засеки получается довольно ясная. Первое звено засеки небогато укреплениями. Здесь местные географические условия как нельзя лучше содействуют укреплению—непролазная леса и болота прекращают путь неприятелю. 2-ое и 3-ье звено—почти непрерывная цепь искусственных укреплений.—городков, валов, надолбов—валы у Горяинова, Мантуровские валы, Дураковские ворота, Глебово Городище, Вольчи ворота, перемешиваемые с густыми заповедными лесами, сохранившимися и поныне у деревень Валищево, Зеленина, Мантурово и Пальное в виде отдельных перелесков и по берегу Вожи у д. Алешни, в виде лугового кустарника.

Отличительной чертой засечных укреплений является их растянутость вширь—валы тянутся на 200—300 саж., даже доходят до 2-х верст. Ясно, задачей этих валов является не быть опорой во время боя, а быть преградой при движении неприятеля, здесь все строится на расчете не биться а преградить путь, здесь все направлено—создать заставу, чрез которую „нехотя никто не прохаживал, серый зверь не прорыскивал, птица черный ворон не пролетывал“. Эта отличительная черта засечных укреплений отражается на устройстве засечных ворот и городков. Их можно разделить на 2 подтипа. Это—валы, комбинируемые с так называемыми, болотными городками, и валы, располо-

женные поблизости городков устроенных на высотах. Тип болотных городков очень древний, он еще был известен славянам в IX—X в. Арабский писатель Бен-Якуб писал: „славяне направились в местность, обильную водами и болотами, обозначали там круглое и 4-х угольное пространство, затем выкапывали вокруг него ров и из вырытой земли насыпали вал, который так утрамбовывался досками и колесами что становился твердым, как на гумне“ (Труды XI-го Археологического съезда стр. 413). Этот тип древнего болотного городка, засечная черта и представила нам Дураковскими воротами и отчасти Волчьими.

2-ой подтип—нагорные городки с рядом валов, расположенных внизу—это Введенские ворота, Глебово городище. Среди исследованных нами, полутно с засечными городками можно наметить и 2-ой тип городков предназначенных исключительно для борьбы. Эти городки расположены на возвышенном берегу реки, преимущественно на уступах или на выдающихся в долину реки мысах. Места, занимаемые такими городками, отличаются всеми удобствами защиты—площадь городка обычно отделяется от возвышенного плато долиной или рвом и имеет 1 или 2 венца валов по крутым спускам в долину. К типу таких городов должно отнести Шишкинский, Митинский, Абловский городки. Сравнивая этот тип городков с задачами засечных городков, мы должны сказать, что по своей конструкции эти городки не засечные.

Можно сделать и кое-какие выводы относительно данных народного предания и методов собирания народных сказаний. Первая черта, бросающаяся в глаза, это—

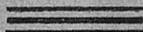
предание под влиянием книжности потеряло известную обаятельность,—иногда даже к ним иронически относятся: „старики много болтали, да они померли и нас молодых не обучили“ „О том ведали старики, а они померли“ или говорят „что нас слушать,—ты лучше расскажи, что в книгах писано о наших краях“. Даже, когда и начинают рассказывать, то и тогда стремятся подкрепить свой рассказ ссылками не на то, что так говорили старики, а тем что, в книгах так писано, например мельник у Дураковских ворот ссылается на какие-то книги, хранящиеся под Сухаревой башни, или пастух около деревни Василевой, рассказывая о битве Владимира Святого с татарами, говорит, что так писано в книгах которые хранятся у барина. (Я была у этого помещика—он сам не знает этого предания и никаких исторических книг у него нет) Во вторых—собирать народные предания очень трудно—чтобы чегонибудь добиться от крестьян нужно расположить их к себе. Всегда неудачно кончались мои расспросы, когда я обращалась к лицам, на которых указывали, что они знают старину: самый факт моего разыскивания их, мое знание их фамилии смущали их, они говорили нехотя, как бы выполняя урок.

Зато хорошими рассказчиками являлись пастухи; косари в поле во время перерыва работы, с большим воодушевлением делились со мною своими знаниями старины.

Заканчивая свой доклад, я хочу наметить дальнейший план работ над Вожской засекой. Во 1-ых, нужно еще побродить по правому берегу Вожи, около Недостоева, Ходынина, поискать здесь засечных городков. Следовательно, в пределах 1-го звена 1-я задача: закончить нанесение на карту засечных укреплений. Во 2-х, карта засечной черты меня теперь вовсе не удовлетворяет, я мечтаю о составлении плана черты отчуждения под засеку. Совершенно случайно, в Бухмачеевской волости, мне пришлось видеть карты конца 18-го и начала 19-го столетия, где помечены земли бывшие под засечной чертой. Собрав такие карты в Земотделе и по волостям, можно было бы составить и карту Вожской засеки. Тогда бы, я сказала, наша засека была бы изучена в совершенстве. В третьих, собрать побольше преданий. Я их собирала мимолетно, так как долго задерживаться не могла в каждом селении.

Н. Лебедева

1921 г. 23 октября.

Древние Рязанские монеты.

Собрания Д. П. Иванова.

В собрании Д. П. Иванова, в Москве имеется довольно значительное количество серебряных монет Рязанского великого княжества*). Большая часть их, несомненно, происходит из одного клада, меньшая же часть—из разных случайных находок. К сожалению, места и условия находок, всех их, остаются пока неизвестными. Д. П. Иванов купил их у одного московского антиквара, не сообщившего о них ничего. Судя по совершенно одинаковому внешнему виду, к одному кладу можно отнести 80 монет. Все они биты из высокопробного серебра и относятся к одному времени. На лицевой стороне всех их выбиты штампом изображения куньих мордочек. Эти изображения придают рязанским монетам весьма оригинальный вид, резко отличающий их от всех других русских и нерусских монет. Существование такого изображения на рязанских монетах, повидимому, было продолжительно, так как в Рязанской губернии в старых селах, например, Дубровичах, крестьяне и до сих пор пазывают серебряные старинные деньги „мордочками“ и „мордками“. Обратные стороны монет клада оказываются более разнообразными: на 34 монетах выбиты русские надписи, расположенные по сторонам четырехугольника (рис. 1), на

33 монетах—татарские надписи разных шрифтов и на 13 монетах или не оказывается никаких знаков, или оказываются едва заметные знаки, вероятнее всего, татарских надписей.

Возникает вопрос, каким образом, чеканились рязанские монеты и почему на них помещались татарские надписи, явление которых можно считать довольно обычным? Описывая монеты с татарскими надписями рязанских великих князей Олега и Федора, А. В. Орешников замечает, что в сущности (эти монеты) не русские, а татарские... с надчеканкою тамги также татарской; русскими же деньгами, назначенными обращаться в Рязанском княжестве, могут называться лишь те татарские монеты, на которых надчеканено клеймо с надписью „печать князя великого“. „Увидим далее, говорит А. В. Орешников, что значительное количество русских монет имело тамги (но не надчеканенные, а вырезанные в штемпеле), как следствие зависимости Руси от Золотой орды. Таким образом, по мнению А. В. Орешникова, рязанские серебряные деньги частью перечеканивались из татарских, а частью являлись оригинальными, сделанными специально для местных потребностей, при чем им допускается также, что специально местные—русские деньги иногда подчекани-

Рис. 1.

*) В декабре месяце 1924 г. Д. П. Иванов, описываемую здесь свою коллекцию древних рязанских монет, подарил Рязанскому Государственному Областному Музею, в котором они сейчас и находятся.

вались татарскими надписями в знак подчиненности татарской державе, а иногда татарские надписи как бы нарочно стирались чеканками.

Какие же были или могли быть технические приемы изготовления тех или других монет? Рассуждая априорно, можно заключить, что перечеканка готовой монеты должна дать вид несколько иной, чем чеканка из пластины серебра, подготовленной специально для выработки из нее монет. А если это так, а иначе пожалуй и быть не может, то такое заключение заставляет тщательно изучить формы монет, происходящих из одного клада, относящихся к одному времени и несущих все признаки единства технических приемов их обработки. При таком изучении можно выяснить, что все монеты описываемого клада имеют одинаковую форму слегка вогнутых овальных тонких пластинок, при чем вогнутость дается резным, вероятнее всего, железным или стальным штемпелем с изображением куньей мордki. На выпуклой стороне помещаются надписи, а иногда, как выше замечено, и ничего не помещается.

Можно полагать, что сначала на пластинке серебра чеканились надписи на нижней стороне, а затем наносился знак мордki на лицевой стороне (рис. 2). В пользу такого

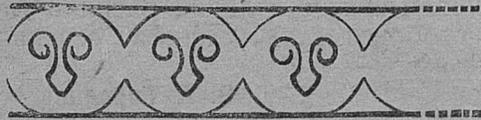

Рис. 2.

приема обработки монет говорит расположение русских надписей по краям, а не в середине (рис. 1), где от сильного удара штампа с обратной стороны, надписи могли бы стираться, что и видно на татарских надписях, у которых повсюду середины оказываются унич-

тоженными. Все монеты клада с русскими, татарскими надписями и без надписей одинаково обрезаны, но не совсем: небольшая часть их всегда оказывается не обрезанной, а отломанной, (рис. 1 и 2), как будто бы обрезание монеты совершалось тогда, когда она находилась в связи с тем листом серебра, из которого монеты чеканились, и что отделение монеты производилось не тем лицом, которым совершалась обрезка монет, а другим, который не имея в своих руках ножниц, отламывал подготовленные монеты невооруженною рукою. Весьма возможно, что это делалось с целью проверки резчиков, которые без этого могли красть если не самые монеты, то их обрезки. Допуская же такие технические приемы выработки рязанских монет, необходимо заключить, что татарские надписи на них явились не потому, что рязанские монеты перечеканивались из татарских монет, а потому, что рязанцы сами желали нанести и наносили эти надписи. Возникает вопрос, для чего рязанцам нужны были татарские надписи на монетах?

В XV веке, к которому, как увидим ниже, относятся описываемые монеты, Рязанское княжество было политически совершенно независимо от татар, а поэтому татарскими надписями на монетах не могла выражаться политическая „зависимость“ от татар, как это принято думать, а преследовалась какая-то другая и, повидимому, немаловажная цель, при чем невольно возникает мысль о коммерческих (торговых) расчетах с татарами. Положительно известно, что рязанские серебряные деньги (мордки) проникали в самые отдаленные улусы Золотой орды. Мною самим найдена одна рязанская серебряная „мордка“ в развалинах

древнего татарского города Маджары, в Ставропольской губернии*).

Любопытно отметить и ту явную бесцеременность в отношении татарских надписей: средины их часто совершенно уничтожали ударами штампа, которым наносилось изображение куньей мордочки. И это действие штампа было хорошо известно рязанским мастерам, так как они при нанесении русских надписей с именем князя, оставляли средину нижней стороны монеты пустою, охваченною четырехугольною рамкою, вокруг которой располагали надпись, оставившуюся невредимою (рис. 1).

Что касается времени монет описываемого клада, то оно пока датируется русскими надписями, так как татарские надписи еще не прочитаны. Всего монет с русскими надписями имеется 34, из них 25 дают в надписях фрагменты четырех слов: князь великий Иван Федорович. Нет никакого сомнения в том, что и все другие монеты клада принадлежат этому же великому князю.

В. князь Иван Федорович княжил в Рязанском великом княжестве от 1427 по 1456 год. Он был внуком рязанского великого князя Олега Ивановича (1350—1402). Княжение Ивана Федоровича ознаменовалось, именно, чеканкой большого количества серебряных монет, отличающихся высокою пробой серебра и наибольшим весом, благодаря чему монеты его чекан-

ки имели широкое распространение.

Было бы интересно определить, к каким годам княжения Ивана Федоровича относились монеты описываемого клада; к сожалению, в настоящее время, это выполнить не представляется возможным, хотя ясно видно, что монеты чеканились не одним, а разными чеканками; поэтому можно допускать, что и чеканились они не в одно, а в разные времена.

Кроме монет описанного клада, в собрании Д. П. Иванова имеется еще 10 серебряных монет, из которых 4 принадлежат тому же в. кн. Ивану Федоровичу; 1 может быть более древнею и принадлежать или в. кн. Федору Ольговичу (1402—1427 г.), или в. кн. Олегу Ивановичу (1350—1402 г.). Остальные пять монет принадлежат в. кн. Василию Ивановичу сыну в. кн. Ивана Федоровича, князевшему от 1456 до 1470 (?) г. По своему внешнему виду они более похожи на Московские, чем на рязанские монеты**). На лицевой стороне их изображена голова человека с полумесяцем перед лицом, а на обороте—зверь с пушистым длинным хвостом, в котором можно узнать барса. Надписи этих монет видны, но так стерты, что не читаются. Обычно же на лицевой стороне подобных монет пишется: „князь великий Василий“, а на обороте: „се деньга резанская“.

В. А. Городцов.

*) Монета хранится в Российском Историческом Музее в коллекции из раскопок г. Маджары.

***) В. князь Василий Иванович воспитывался в Москве, при дворе Василия Темного, на дочери которого—Анне Васильевне—был женат и поэтому во многом придерживался московских обычаев.

Положение краеведческих работ на территории бывш. Елатомского уезда.

Совсем недавно Елатомский уезд представлял из себя часть территории Тамбовской губ. В начале 1923 года к основным 26 волостям этого уезда, с целью округления границ, причислены были 6 волостей Темниковского уезда с г. Кадомом. В том же году Елатомский уезд перешол к Рязанской губернии, а к 1-му апреля минувшего года он, в виду произошедшего районирования, был упразднен совершенно, при чем большая площадь его передана Шацкому уезду, а небольшая, сравнительно, часть, составляющая 3 укрупненных волости,—в Касимовский.

Краеведческая работа Елатомского отделения Об-ва исследователей Рязанского края, распространявшаяся на всю территорию Елатомского уезда, в настоящее время не улеглась еще ни в каких границах: будет ли деятельность его распространяться лишь на 3 укрупненные волости, естественно тяготеющие к Елатье, или же, по прежнему, охватит все волости, бывшие до районирования в пределах уезда,—покажет будущее. Но, во всяком случае, в этом вопросе должна иметь решающее значение общая программа краеведческих работ, построенная Елатомским отделением о-ва, на основании материалов, собранных им для изучения данного края. Мы должны вполне определенно сказать, что в интересах непрерывности работ, их цельности и оригинальности необходимо сохранить за Елатомским отделением прежний район,

заклучавшийся в стертых теперь административных границах; если случится иначе, то многие, уже проделанные в данных границах работы, должны быть кем-то проделанные вновь на территории ускользнувшей из-под влияния о-ва; точно также многие начатые или уже почти законченные исследования должны оборваться в одном месте и возникнуть в новом; наконец, некоторые печатные труды, посвященные исследованию прежней территории уезда, с изменением границ, должны будут потерять свою цельность, что, несомненно, поведет к усложнению и замедлению хода исследовательских работ. Виднее это будет, если мы приведем здесь ряд примеров, дающих понятие об объеме уже проделанных в разное время краеведческих работ на территории б. Елатомского уезда.

С 1912 по 1915 г включительно по инициативе Тамбовского губ. земства специальным персоналом под руководством почвоведом Г. М. Тумина были исследованы почвы всех уездов губернии. Результатом этой работы явилась почвенная карта в 10-ти верстном масштабе и монография Тумина „Почвы Тамбовской губернии“. В эту карту вошел, конечно, и Елатомский уезд. Итак, почвы Елатомского уезда исследованы, причем в 1923 году Елатомский музей приобрел обособленную почвенную карту Елатомского уезда в 4-х верстном масштабе, представляющую из себя увеличенную копию карты Тумина.

В 1914—15 г.г. Елатомским уездным земством предпринято было естественно-историческое обследование поемных лугов, подразделяющееся на географо-топографическое, геоботаническое и хозяйственное. Работа эта выполнена маршрутно-экспедиционным порядком агрономом (губ. спец. по луговодству) М. П. Доброзраковым с его сотрудником Ф. М. Гусевым. Результаты обследования изложены в брошюре Доброзракова и Гусева: „Поемные луга в Елатомском уезде (долины рек Мокши, Цны, Оки и Унжи). указанная брошюра, объемом в 70 страниц, имеется при Елатомском музее.

Бывший Елатомский уезд, как часть Мокшинской низменности, имеет на своей площади обширные болота, в общей сложности достигающие размера 8.500 десятин (без Кадомского района). Около 6.500 дес. требуют гидротехнических работ с целью превращения их в хорошие луга; другие же, более или менее осушенные временем, представляют торфяные залежи площадью около 2.000 десятин. По своему местонахождению болота делятся на 5 отдельных массивов, из которых 3 исследованы в 1921—22 г.г. на средства отпущенные Н. К. З. гидрогеологической партией от Тамбовского губземуправления под руководством инженера Платоранова. Осенью 1922 года начат исследование и четвертый массив, но эта последняя работа осталась незаконченной. Материалы по исследованию геологического строения местности с картами, чертежами и соответствующим описанием представлены в Наркомзем. Елатомское отделение о-ва исследователей ряз. края, к сожалению, не располагает еще средствами для приобретения копий этих ценных материалов (по справкам

стоимость их равна сумме около 25 руб.).

К ряду произведенных естественно-исторических исследований Елатомского уезда мы должны также отнести работы проф. С. Никитина по изучению обнажений юрской системы под г. Елатьмой. Еще в конце 70-х годов внимание Никитина привлечено было необыкновенным богатством характерных окаменелостей для юрского периода по бичевнику р. Оки, между г. Елатьмой и с Адриановой Пустынью. Местность эта названа им одной из замечательных юрских областей в России и описание ее с оценкой научного значения находимых в ней отложений горного известняка, юрской глины и экземпляров окаменелостей нашло себе место в монографии: „Der jünger der umgegen von Elatma“ *).

Им же, между прочим, обнаружено значительное количество фосфоритов по тому же бичевнику, но техническая пригодность последних, повидимому, осталась без надлежащего определения.

Из сказанного видно, что естественно-исторические условия бывшей территории Елатомского уезда в значительной мере освещены исследованиями компетентных специалистов, давших нам определенную литературу. Что исследования эти не исчерпывают всех интересных для нас тем—вопрос конечно, бесспорный, но во всяком случае ясно, что будущие исследования не затронутых еще тем, как напр., изучение лесных массивов, водных пространств, геологических и палеонтологических особенностей должны производиться не иначе как на той же самой территории: только будучи одномасштабными с предшествовавшими рабо-

*) Nouveaux mémoires de la société des naturalistes de Moscou 1881—1884 г.г. Имеется при Елатомском музее.

тами, эти новые исследования дополняют общую картину естественно-исторических условий данного края.

Перейдем теперь к вопросу об изучении культурно-исторической жизни уезда. Перед нами имеется капитальный труд местного историка И. И. Дубасова, носящий название „очерки по истории Тамбовского края“—издание 80-х годов. Знакомясь с очерками, составленными на основании точных исторических данных, почерпнутых из Гл. Моск. Архива, дел бывш. Тамбовской и Шацкой провинциальных канцелярий, писцовых книг, архива Тамбовск. консистории и проч., мы с удовлетворением отмечаем, что главнейшие исторические моменты и влияние их на культурное развитие края в трудах Дубасова освещены настолько рельефно, что значение их для изучения истории Елатомского уезда должно быть огромно. Делом современных работников по краеведению будет разбор и дополнение трудов Дубасова в части, относящейся к бывш. Елатомскому уезду.

Таким образом, мы видим, что данные по истории б. Елатомского уезда также отчасти имеются, следовательно, есть полное основание Елатомскому отделению работать, по прежнему, на территории избранной до районирования.

В заключение следует сказать, что в настоящем краеведческая работа Елатомского отделения о-ва должна идти по программе, дающей в конечном итоге дополнения к проделанным раньше работам

как в области естественно-исторических знаний края, так и историко-культурных. Разумеется, за отсутствием средств, исследования можно вести только маршрутно-экспедиционным порядком, но и этого пока будет достаточно. В первую очередь должны быть исследованы лесные массивы с их породами и сообществами, климатологическим значением и фауной. Исследование водных пространств главнейших рек, озер и источников с населяющими их породами рыб и моллюсков, с определением свойств воды и питательной среды для животных организмов также является первоочередной работой. Наконец, исследования геологические, выявление полезных ископаемых, определение их мощности и практической пригодности требуют тоже особого внимания со стороны Елатомских краеведов.

Результатом всех этих работ должны быть диаграммы, карты и хорошо подобранные коллекции.

Деятельность культурно-исторической секции должна быть направлена на пополнение пробелов в знании истории края путем изучения местн. памятников старины, преданий, находок. Особенную важность представляют этнографические исследования, как вопрос о сосредоточии в одной местности народностей финского, монгольского и славянского племен, взаимной ассимиляции их и современного состояния.

агр. И. Князев.

К вопросу о гранях и метях.

(Заметка).

Председатель Ижевского отделения Общества В. Д. Бакулин сообщает некоторые интересные данные о распространенных в Рязанской губернии гранях и метях, кладущихся в качестве условных знаков на деревьях и дернине.

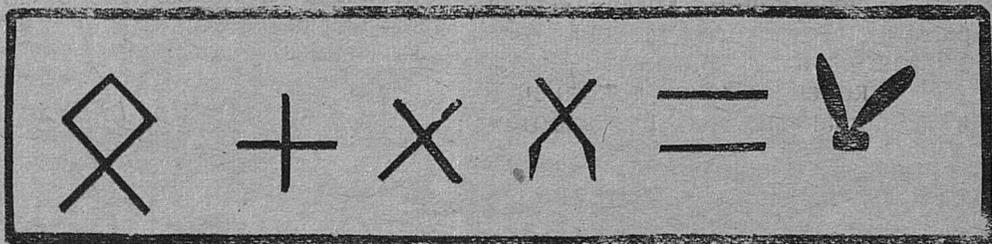
По его наблюдениям эта условная письменность для обследованных им мест Рязанской губернии (Спасского, Михайловского и Елатомского уездов) и для смежного с ней Меленковского уезда Владимирской губернии приблизительно одинакова. Это дает повод ему сделать заключение об единообразных формах записи для сравнительно большой округи.

В. Д. Бакулин сообщает: „Грани натесывались на деревьях, на пнях, на столбах, указывая направление меж и рубежей. Рубежи приурочивались к оврагам, ручьям, речкам и тогда они назывались „живыми рубежами“. На пашне для отделения полей оставлялся рубеж в виде непаханой полосы в сажень или полтора шириной. Межи проводились сохой с углублением в две

пропашки. Мету (или знамя) клали на деревьях топором, натесявая или нарубая на толщину коры, слегка захватывая древесину. В лугах на дернине мету клали тоже топором, а на пашне на конце загонов, ближайших к дороге или тропе пропахивали сохой всю ширину загона и на 2—3 сажени длиной (высотой). Записи на бирках, на стенах, притолках и т. п. делались ножом или топором, сначала изображая знамя или мету лица—а против этого изображения цифры в виде прямых палочек (единицы) косых (пятки) и косых крестов (десятки).“

По указаниям В. Д. Бакулина такие записи еще были распространены в 80 годах прошлого столетия. В настоящее время овчинники, валяльщики сапог, сукновалы и красильщики дают „жеребий“, на сданные им овчины шерсть и ткани, оставляя у себя бирку, как корешок квитанции.

Ниже приводятся рисунки мет на деревьях и дернине с указанием их местных названий.

Голова.

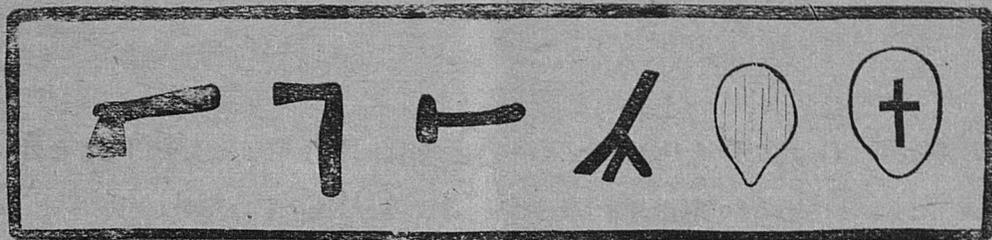
Прямой крест.

Косой крест.

Косой крест с косицами.

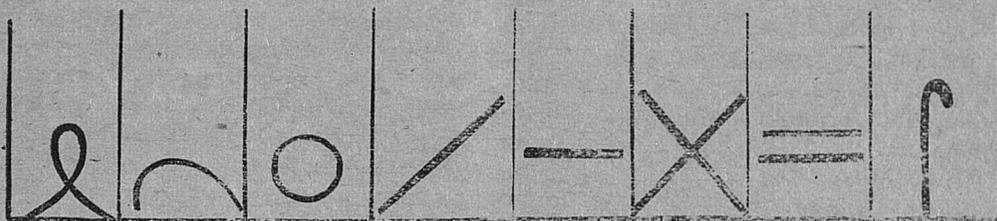
Два рубежа.

Зайчьи уши.

Топор. Крюк. Молоток. Птичья лапа Натес. Натес с крестом

Меты на пашне.

Голова. Дуга. Хлеб. Косой рубеж. Прямой рубеж. Косой крест. Два рубежа. Крюк.

Отчет о деятельности О-ва исследователей Рязанского края за 1925 год*).

1925 год был шестым годом существования общесва. В нижеследующем предлагается краткий отчет о деятельности общества за 1925 год.

I. Состав Общества.

К январю месяцу 1925 года в составе общества числилось 133 члена, из них живущих в Рязани—60. За 1925 год было избрано в состав действительных членов 52 ч., выбыло 22 чел. и, таким образом, к 1 января 1926 года состоит 163 человека из них живущих в Рязани 90.

II. Состав исполнительных органов общества

Годичным собранием общества 2 февраля 1925 года существовавшие у общества секции: естественно-историческая, социально-историческая и экономическая были упразднены и руководство всей работой Общества передано правлению. В состав правления на 1925 г. были избраны: Д. Д. Солодовников (председатель), М. Д. Малинина (зам. председателя), А. В. Белицер, Н. А. Пospelов, В. Ф. Смирнов, Н. И. Мордовченко, С. К. Катаровский (казначей) и А. А. Мансуров (ученый секретарь); кандидатами в члены правления: П. Э. Штейнлехнер, И. А. Шавыкин и Б. Н. Нагальин. В течение года из состава правления выбыли за отъездом из Рязани В. Ф. Смирнов

и Н. И. Мордовченко. Вместо выбывших переведены из кандидатов в члены П. Э. Штейнлехнер и И. А. Шавыкин. Одно место в составе правления было предоставлено Рязанскому Госуд. Областному музею, представителем которого являлся А. И. Фесенко. В составе ревизионной комиссии состояли: В. И. Муравьев, В. А. Елагин и В. В. Арбузова; кандидатом— В. С. Васильев.

III. Заседания Общества и его органов.

В отчетном году состоялось 12 общих собраний и 16 заседаний правления. Сопещания президиума происходили еженедельно. Общее собрание было одно годичное, посвященное памяти организатора Рязанского музея и Рязанской Губернской Архивной Комиссии известного археолога и фарфороведа А. В. Селиванова (по случаю десятилетия со дня его смерти) и одно—объединенное с Рязанским Медицинским Обществом, Ученым Советом Рязанского Государственного Областного Музея, Секцией научных работников, Союзом работников просвещения и Межсекционным бюро инженерно-технических сил—посвященное 200 летнему юбилею Всесоюзной Академии Наук.

На общих собраниях были заслушаны следующие доклады: И. И. Проходцов—Биографические сведения о Алексее Васильевиче

* Настоящий отчет печатается в октябрьском № журнала вследствие значительного запаздания в его выходе.

Селиванове и личные воспоминания о нем.

С. Д. Яхонтов—Воспоминания о А. В. Селиванове.

Б. И. Алексеев—Селиванов, как исследователь русского искусства.

Н. В. Говоров—Некоторые черты для характеристики А. В. Селиванова.

А. И. Знаменская — Школьное краеведение по данным всесоюзной конференции опытно-показательных учреждений Н. К. П.

А. А. Мансуров — Краеведно-исследовательская работа школы.

И. Я. Ключев — Торговля в Рязанской губернии.

Н. А. Поспелов—Молочная промышленность в Рязанской губ.

А. И. Знаменская — Проблемы культуры в творчестве Ибаньеса.

М. Д. Малинина—Очерки Рязанской Мещеры.

Д. Д. Солодовников—О границах Рязанского края.

М. П. Русанов—Мясная промышленность в Рязанской губ. и ее перспективы.

В. Н. Джонс — Ржаная мука и черный хлеб в г. Рязани.

В. Н. Джонс—Данные к составу масла из семян табака.

В. Н. Джонс—Рязанское молоко.

А. В. Белицер—Академия Наук С. С. С. Р.

Д. Д. Солодовников—Академия Наук и краеведение.

П. Э. Штейнлехнер — Академия Наук в области медицинских знаний.

С. С. Лебедев — М. В. Ломоносов—первый русский академик.

С. Ф. Ольденбург — Двухсотлетие Академии Наук и краеведение.

А. В. Белицер—К биологии лесных клещей Рязанской губ.

П. Я. Чернышев—Ядовитые растения окрестностей г. Рязани.

Н. В. Воскресенский—Знахарство в Рязанской губ.

И. П. Гаузнер—Санитарные условия цементного производства на Еринском заводе.

Н. В. Говоров—История г. Шацка по запискам старожила

И. И. Проходцов — События 1905 г. в Рязанской губ.

Н. А. Дорогутин—Революционная деятельность Н. С. Климовой.

С. М. Липец—По поводу событий 1905 г. в г. Рязани.

В. Н. Мещерин—Личные воспоминания о 1905 г.

В. С. Васильев—Встречи и впечатления в 1905 г.

На заседаниях правления помимо рассмотрения научно-организационных вопросов и текущих дел, были заслушаны следующие доклады:

Г. П. Миролюбов—Евгений Петрович Гославский.

Ю. П. Карпинский — Из геологических наблюдений в окрестностях г. Рязани.

М. Д. Малинина—Отчет о работах по исследованию р. Оки в 1924 г. и первой половине 1925 г.

Н. П. Чистосердов—О работах экспедиции по изучению озера Велюго в естественно-историческом отношении в 1925 г.

Н. А. Кузьмина—Отчет о практических работах на Муромской биологической станции.

М. Д. Малинина—Предварительный отчет о этнографическом исследовании севера губернии в 1925 г.

А. И. Фесенко—Отчет о поездке по Раненбургскому уезду с целью изучения архитектурных памятников.

Н. И. Мордовченко—Ближайшие задачи в составлении библиографии Рязанского края.

Б. Н. Натальин — Сообщение о поездке на Победенский каменноугольный рудник (Скопинского у.) с целью изучения производства.

П. Э. Штейнлехнер—О системе изобретенной автором железной печи

IV. Организационная работа.

Как упоминалось выше, в 1925 г. Общество было реорганизовано в своей структуре: существовавшие естественно-историческая, социально-историческая и экономическая секции были упразднены, функции их объединены общим собранием, правлению же переданы функции бывших президиумов секций. Целью такой реорганизации было упрощение аппарата общества и объединение его деятельности единым руководством.

Опыт 1925 г. по мнению правления, подтвердил целесообразность этого мероприятия: деятельность Общества, как научно-исследовательская, так и административно-хозяйственная развивалась не менее успешно, чем в предыдущие годы, объединенность же руководства правлением позволяла ему более точно учитывать нужды Общества и вносить в его работу большую планомерность.

Во взаимоотношениях с отделениями Общества последнее отказывалось от всякого административного вмешательства в их дела, считая все отделения самостоятельными организациями, живущими по своему уставу, регистрируемому на общих основаниях, для каждого отделения особо и объединенных с Обществом Исследователей Рязанского края лишь общностью исследовательских интересов. Поэтому Общество стремилось строить свои взаимоотношения с отделениями на основе научного общения, не отказываясь и от организационных советов и указаний в тех случаях, когда за ними обращались. Эту линию поведения по мнению правления ему уда-

лось провести вполне, и оно может свидетельствовать о крепнущих его связях с отделениями общества, вытекающих из внутреннего роста их научных запросов. Некоторыми членами правления были посещены отделения Общества: Д. Д. Солодовников посетил Солотчинское отделение, М. Д. Малинина—Солотчинское и Гиблицкое, А. А. Мансуров—Спасское и Касимовское; Н. А. Поспелов—Зарайское и Скопинское; И. А. Шавыкин—Гиблицкое, Елатомское и Михайловское; Б. Н. Натальин—Скопинское; А. И. Фесенко—Сапожковское.

V. Научно-исследовательская деятельность.

Научно-исследовательская деятельность Общества выражалась в постоянных работах биологической лаборатории, проведении экспедиций и научных занятиях отдельных членов Общества.

Весьма слабое оборудование биологической лаборатории и почти полное отсутствие у нее средств не давали вести работу в достаточно широком объеме. В истекшем году лабораторией производились еженедельные экскурсии на Оку для взятия проб планктона. Лаборантка Н. А. Кузьмина имела месячную командировку на Муромскую Окскую Биологическую Станцию для знакомства с методами обработки зоопланктона. Член Общества А. Г. Кузьмин вел наблюдения надраспространенностью видов рыб в Оке (в связи с его работами по устройству гидробиологического отделения в Областном Музее). Пробы планктона обрабатывали К. И. Мейер (фитопланктон) и Н. А. Кузьмина (зоопланктон). Обработку материалов по физико-метеорологическим данным Фки за 1925 г. вед. А. Н. Кис-

линский. Заведовала лабораторией М. Д. Малинина.

В настоящее время очередным вопросом для Общества является необходимость расширения работ лаборатории, приобретение для нее оборудования и изыскание постоянных источников материального обеспечения.

За лето 1925 г. Обществом были проведены следующие экспедиции:

1. *Археологические раскопки Подборной стоянки* Касимовского у. с 9—12 июня под руководством членов Общества Б. А. Куфтина, Н. И. Лебедевой и с участием А. А. Мансурова и членов Касимовского Отделения Общества И. А. Китайцева и В. И. Кислова. В результате экспедиции открыта весьма богатая и редкая для Рязанской губ. палеометаллическая культура. Материалы, полученные от раскопок, главным образом в виде обширных коллекций керамики, переданы в дар Рязанскому и Касимовскому музеям. Теоретическая обработка материалов производится Б. А. Куфтиным и Н. И. Лебедевой.

2. *Экспедиция по этнографическому обследованию Касимовских татар*, организованная совместно с Московским Музеем Ц. П. О. с 13—19 июня под руководством Б. А. Куфтина с участием членов Общества А. А. Мансурова и А. Г. Данилина и командированных Музеем Ц. П. О. А. М. Куфтиной-Росовой и Б. А. Васильева.

Целью экспедиции было исследование народного быта в крестьянской среде татарского населения прилегающих к Касимову деревень, так называемого татарского земледельческого района („Караймяк“) и регистрация архаичных форм духовной и материальной культуры. Маршрут исследования

захватил селения: Кушниково (Куснэ), Кучуково (Малое Кадышево), Собакино (Субак) и Царицыно (Бей Сала)

В результате экспедиции собран материал по жилищу, костному и духовной культуре названного района, который теоретически обрабатывается Б. А. Куфтиным.

3. *Экспедиция по исследованию озера „Великое“*, Рязанского у. в естественно-историческом отношении с 14—23 июля под руководством А. Т. Яценко с участием членов Общества Н. П. Чистосердова, А. Н. Кислинского, М. Е. Афанасьева и студента I Московского университета М. Э. Дуннэ.

Произведены следующие работы: промерены глубины по основным направлениям озера, произведен лов макроскопической фауны, взяты количественные и качественные пробы планктона и наннопланктона, а также пробы воды для определения физико-химических факторов; взяты пробы грунтов в основных пунктах озера; исследован тип прилегающих к озеру болот и залегающих в них водоемов (планктон и физико-химические факторы); исследован общий характер берегов озера; отмечены места наростания и размывания берега, а также общий характер этих процессов; отмечена смена растительности от края озера вглубь болот. Взятые пробы воды исследуются со стороны электропроводности, окисляемости, содержания кальция, железа и связанной углекислоты. Обработка всех материалов ведется А. Т. Яценко. Озеро Великое в ряду научно-изучающихся в настоящее время озер занимает весьма значительное место по своим особенностям. Исследования воды озера дали чрезвычайно низкие цифры активной реакции, не полученные до сих пор

для других озер подобного типа. Насколько велико влияние активной реакции на население водоемов известно из гидробиологических работ последних лет и потому детальное изучение фауны этого озера особенно интересно для сравнения ее с фауной озер С. С. С. Р. и заграничных. Примененные методы изучения озера „Великого“ ставят его в ряд водоемов, имеющих широкое общенаучное значение.

4. *Этнографическое исследование Мещерского края* с 18 июля по 6 августа, организованное совместно с Рязанским Государственным Областным Музеем под общим руководством М. Д. Малининой. В экспедиции принимали участие члены Общества: М. И. Знаменская, А. Н. Кислинский и член Касимовского отделения Общества Ф. А. Дашков.

Общая цель—обследование Рязанской Мещеры детализировалась следующими задачами: 1) Проследить изменение быта района, взяв сравнительно большое пространство—водораздел между реками Прой и Гусем на протяжении примерно 150 верст; 2) Произвести обследование центрального района „Курши“ в бытовом отношении; 3) Дополнить уже имеющиеся сведения по исследованию жилища района производством обмеров, зарисовок и фотографий и 4) Собрать материал, характеризующий одежду этого края. Маршрут обследования захватил следующие районы: 1. *Затумекский* с пунктами: с. Тума, д. Шаранино, д. Мордвиново, д. Кова, д. Петряево, погост Прудки, д. Белая, д. Посерда, д. Урядино, д. Курлово, д. Нармуч и поселок Гусь Хрустальный. 2. Район „*Курши*“ с пунктами: д. Култуки, д. Вегчаны, погост Курша, д. Борисово и д. Малахово. 3. *Ки-*

товский-Заокский район с пунктами: д. Акулово, с. Чарус, с. Лубяники, погост Китово и с. Гиблицы.

В результате обследования было приобретено: 53 предмета, главным образом, частей костюма. Вещи, приобретенные за счет Общества были переданы в дар Рязанскому Музею; сделано 36 фотографических снимков, 3 альбома зарисовок; произведено 4 обмера изб, 3 обмера овинов и 1 обмер бани. Прослежен быт земледельческого района Мещеры и эволюция форм жилища в зависимости от отхожих промыслов, выяснена постепенность переходов в формах одежды населения этого района, установлена связь и различие видов костюма для отдельных мест Мещерского края. Обработка всего материала производится М. Д. Малининой.

Отдельными членами Общества велись следующие научные работы: *Н. И. Мордовченко* был занят составлением библиографии по Рязанскому краю, с каковой целью для работ в центральных книгохранилищах он был командирован в Ленинград. К концу 1925 года им произведена предварительная регистрация произведений местной печати за 1917—24 гг. *Д. Д. Солодовников* продолжал свое исследование по восстановлению плана Рязани 17 века; в истекшем году им вполне закончена часть работы, касающаяся Рязанского острога и приступлено к восстановлению плана Рязанского кремля. *П. Э. Штейнлежнер* работал над усовершенствованием изобретенной им системы железной печи, приспособленной для использования скопинского угля и учитывающей специфические его качества. *А. В. Беллицер* продолжал свое многолетнее исследование биологии лесных клещей Рязанской губернии. В

отчетном году им изучена в естественных и лабораторных условиях биология клеща *Dermacentor reticulatus*—переносчика малярии лошадей (пироплазмоза). *Н. А. Дороштин* продолжал разработку архивов по вопросу об аграрном движении в Рязанском крае и обрабатывал материалы для исследования о революционерке *Н. С. Климовой*. *И. И. Прохорцов* вел разработку архивов о революционном движении в Рязанской губернии в период 1904—1907 гг. *Н. А. Поспелов* изучал породу местного „мещерского“ скота. *Н. С. Яхонтов* обрабатывал материалы по климатологии губернии и вел исследования о залеганиях полезных ископаемых и о их применениях к нуждам сельского хозяйства. *Н. П. Милонов* производил археологические изыскания в Скопинском уезде и *Н. А. Соколов* работал над письмами Полонского раннего периода его жизни, имеющими связь с Рязанью. Часть этих писем им обработана к печати.

VI. Научно-просветительная деятельность.

Главное внимание в области научно-просветительной деятельности Общество уделяло организованному руководству делом школьного краеведения в губернии. С этой целью на губернских курсах по переподготовке народных учителей *А. А. Мансуров* читал лекции по вопросам краеведно-исследовательской работы школы. Совместно с Методическим Бюро Губоно была организована комиссия по школьному краеведению, наметившая издание соответствующей литературы и отчасти приступившая к выполнению этого плана (см. § VII „издательство“). На выставку, посвященную 1905 году,

организованную Домом Коммунистического Провещания (б. Губпартклуб) Общество представило материал, характеризующий события, касающиеся Рязанской губернии, а также охотно отзывалось на просьбы различных учреждений и организаций (например, Культотдела Г. С. П. С., Коллектива служащих Губсуда и пр.) о чтении им лекций и проведении экскурсий на различные краеведческие темы.

VII. Издательство.

В 1925 году Обществом издано: III выпуск Трудов — *С. С. Туров* „Млекопитающие Рязанской губернии“ и „Некоторые новые данные к фауне птиц Рязанской губернии“. IV выпуск Трудов *Н. А. Поспелов*—„К вопросу о пойменском скоте“. V выпуск Трудов „К материалам по археологии Рязанского края“ со статьями *В. А. Городцова*—„Дубровичский финский могильник“ и *Б. А. Куфтина*—„Льяловская неолитическая культура на реке Клязьме в Московском уезде, в ее отношении к окскому неолиту Рязанской губернии и ранне-неолитическим культурам Северной Европы“. 1 (5), 2 (6), 3 (7) и 4 (8) номера „Вестника Рязанских краеведов“. При поддержке Общества Сапожковское отделение издало 1 выпуск своих Трудов—работу *П. П. Стаханова* „Продвижение леса на степь в Сапожковском крае и гибель культурных насаждений“ с предисловием *В. П. Семенова Тян-Шанского* и Гиблицкое отделение—I выпуск Трудов—работу *А. В. Щербакова*—„Средние выводы за 25 лет метеорологических наблюдений в Гиблицкой вол. Касимовского уезда“. Комиссией по школьному краеведению издан I выпуск ее работ — *А. А. Мансу-*

ров— „Краткий библиографический указатель по Рязанскому краю применительно к нуждам трудовой школы“ и 2 выпуск — В. В. Осипов — „Экономическая география Рязанской губернии“. Выпущены отдельными оттисками: краткая инструкция составленная Б. А. Куфтиным — „Задачи и метод изучения крестьянского жилища Рязанской губернии“ и „Анкета по собиранию сведений по гражданской и церковной архитектуре“. Общим количеством в 1925 году издано 37 печатных листов. В портфеле редакции имеется материал для опубликования приблизительно на 60 печатных листов.

VIII. Библиотека Общества.

В отчетном году библиотека пополнилась 472 экземплярами, частью за счет изданий научных обществ, получаемых в порядке обмена, частью путем постепенного сбирания местных Рязанских книг. К 1 января 1926 года библиотека насчитывает 1772 экземпляра. Согласно пожелания годичного собрания составлена новая инвентарная опись. Библиотека приведена в полный порядок и с 1 сентября 1925 года открыта для пользования членов. Заведующим библиотекой состоит по избранию правления А. И. Фесенко.

IX. Связь Общества с другими учреждениями.

Как и в предыдущие годы Общество наиболее близко было связано в своей работе с Рязанским Государственным Областным Музеем. Связь эта осуществлялась путем принятия представителя Музея в состав Правления и путем командирования своего представителя в Ученый Совет Музея, совместной разработкой некоторых исследовательских планов и сов-

местным их осуществлением. С местными научными организациями (Рязанским Медицинским Обществом и Секцией Научных Работников) Общество также поддерживало связь, устраивая в некоторых случаях с ними объединенные заседания. Со стороны Губисполкома и Губплана Общество пользовалось полным благожелательством, а иногда и материальной поддержкой для выполнения отдельных исследований. В полном контакте протекала работа с Губоно и Губпросом. Первое призывало Общество для участия в Методическом Бюро, второй, в лице Губернского Дома Работников Просвещения, оказывал Обществу широкое гостеприимство при устройстве заседаний Общества, предоставляя помещение. Общество имело представителя в комитете при Губ. Управлении по делам музеев и доставляло ему материал о памятниках, требующих охраны. В частности Обществу принадлежит инициатива в поднятии вопроса о экстренных мерах к охране здания Рязанского Успенского собора — величайшего архитектурного памятника.

С Центральным Бюро Краеведения Обществу удалось установить не только официальную связь, но и близко ознакомиться с его работами и ознакомить Бюро с своими работами в результате личных поездок представителей Общества в Ленинград и посещений Рязани членами Ц. Б. К. Заместитель председателя Общества М. Д. Малинина два раза присутствовала на заседаниях Ц. Б. К., а Общество в отчетном году было посещено членами Ц. Б. К. А. В. Чайновым (два раза), Д. А. Золотаревым и председателем Центрального Бюро Краеведения академиком С. Ф. Ольденбургом.

На двухсотлетнем юбилее Академии Наук М. Д. Малинина представительствовавала от Общества. Она же посетила в качестве делегата Общества Всесоюзный Съезд зоологов. А. И. Фесенко был командирован во Владимир для участия в работах Конференции по изучению естественно-производительных сил Владимирской губернии.

С чувством глубокого удовлетворения Общество отмечает то обстоятельство, что за последние годы оно все чаще и чаще призывается местными административ-

ными, хозяйственными, профессиональными и общественными организациями в качестве консультанта по отдельным вопросам, связанным с их деятельностью. Общество неоднократно давало им свои заключения и снабжало имеющимися у него материалами, практически доказывая этим значимость своей работы для строительства местной культуры. Общество надеется, что по этому пути оно идет неуклонно в течение всей своей жизни.

Председатель **Солодовников.**
Ученый Секретарь **Мансуров.**

О Т Ч Е Т

о приходе, расходе и остатке денежных сумм
Общества Исследователей Рязанского Края
за 1925 г.

ДЕБЕТ.

КРЕДИТ.

НАИМЕНОВАНИЕ ПРИХОДА.	Сумма.		НАИМЕНОВАНИЕ РАСХОДА.	Сумма.	
	Руб.	К.		Руб.	К.
Сальдо на 1 января 1925 г.	273	39	Израсходовано:		
Поступило из Госбюджета Р.С.Ф.С.Р.			На содержание личного состава и содержание месткома - - -	589	50
На содержание личного состава и содержание месткома - - -	589	50	На соц. страхование - - - - -	61	74
На соц. страхование - - - - -	61	74	» издательство Трудов О-ва -	1067	02
В субсидию О-ву - - - - -	90	—	» экспедиции и научные командировки - - - - -	310	44
На издательство - - - - -	250	—	» отопление - - - - -	18	—
» расходы по научной части -	50	—	» хозяйственные, канцелярские, почтово-телеграфные и другие расходы - - - - -	183	01
» отопление - - - - -	18	—			
Из местных вкладов:			ВСЕГО расхода за 1925 г. -	2229	71
Ассигиов. Ряз. Губисполкомом на научные командировки - - -	100	—			
Специальных средств О-ва:					
а) Членских взносов - - - - -	46	—			
б) От продажи изданий - - - -	347	10			
в) Пожертвований и случайных поступлений - - - - -	500	12			
ВСЕГО прихода в 1925 г. -	2052	46	ВСЕГО расхода за 1925 г. -	2229	71
САЛЬДО на 1 января 1925 г.	273	39	САЛЬДО на 1 января 1926 г.	96	14
БАЛАНС - - - - -	2325	85	БАЛАНС - - - - -	2325	85

Председатель О-ва *Д. Солодовников.*

Ученый Секретарь *А. Мансуров.*

Х Р О Н И К А.

24 октября сего года Общество Исследователей Рязанского Края посетил Председатель Центрального Бюро Краеведения и Непременный Секретарь Всесоюзной Академии Наук, Академик С. Ф. Ольденбург.

На заседании Общества С. Ф. Ольденбургом был сделан доклад: „200 летний юбилей Академии Наук и Краеведение“.

Членом Правления Общества П. Э. Штейнлехнером на заседании Правления 20-го сентября сего года демонстрировалась изобретенная им система железной печи, привлекающая внимания Общества потому, что она рассчитана на специфические свойства Скопинского угля и имеет в виду широкое его использование для топливных целей.

Автору изобретения удалось сделать ряд технических приспособлений, которые позволяют применять Скопинский уголь, несмотря на то, что он, обычно при горении дает плохой запах.

Это обстоятельство делает изобретение П. Э. Штейнлехнера ценным в хозяйственном отношении, т. к. им, может быть, в известной степени, разрешается проблема топлива для безлесного Скопинского уезда и смежных с ним.

П. Э. Штейнлехнер продолжает усовершенствовать изобретенную им систему печи и занят в настоящее время вопросом устройства при ней плиты, что дало бы возможность не только отапливаться Скопинским углем, но и применять его для нужд кухни.

В половине июля 1925 г. Обществом Исследователей Рязанского края была организована экспедиция на озеро Великое Рязанского у для исследования его в био-химическом отношении. Экспедицией руководила А. Т. Яценко.

Касимовским отделением общества за минувшее лето были проведены археологические розыскания на городище „Земляной Струг“, давшие значительное количество экспонатов для краевого музея и обнаружившие в нем финскую культуру.

С 18 июля по 6 августа под руководством М. Д. Малининой была совершена экспедиция по исследованию этнографии севора Рязанской губ. (Мещерского края). Экспедиция была организована Обществом Исследователей Рязанского края совместно с Рязанским Государственным Областным Музеем. Экспедиция посетила районы: 1) Затумский; 2) „Куршу“ и 3) Китовский приокский. В результате экспедицией собран материал по костюму и жилищу района и прослежен быт земледельческого района Мщеры.

Председателем Гиблицкого Отделения Общества А. Щербаковым закончено обширное исследование: „Естественный рост населения в Гиблицкой волости за 100 лет“. Работа произведена на основании, главным образом, статистических данных рождаемости, брачности и смертности в Гиблицкой волости за указанный период.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Известия Центрального Бюро Краеведения. Под редакцией Академика В. Ф. Ольденбурга, №№ 1, 2, 3, 4. Ленинград, 1925 г.

Центральное Бюро Краеведения приступило к изданию нового своего органа „Известий“, главной целью которых поставлена быстрая информация о хронике краеведческого движения, о распоряжениях центральной власти, относящихся до краеведения.

Необходимость такого органа очевидна, и поэтому нельзя иначе, как с чувством большой радости отнестись к факту выхода его номеров. Вместе с пожеланиями успеха изданию, пожелаем также, чтобы отдел „на местах“, представляющий для местных работников особый интерес, был бы поставлен возможно шире и глубже. Последнее возможно лишь при деятельном сотрудничестве самих краеведческих обществ. Нам представляется желательным, чтобы в этом отделе освещались бы лишь положительные достижения и совершенно не приводились бы общие фразы, никогда не вскрывающие сути работы и чрезвычайно раздражающе действующие на читателя, ищущего в „Известиях“ творчества мест.

Вопросы областного музейного дела на данных I-й конференции музейных работников Ц. П. О. под общей редакцией А. И. Фесенко и В. Д. Яхонтова. Рязань, 1925 г. стр. 138.

Названный сборник издан Рязанским Государственным Областным Музеем. Он содержит ряд докладов, прочитанных на I конференции музейных работников Ц. П. О., протоколы ее и приложения—формы описных книг, принятые конференцией и список участников конференции.

Книга представляет несомненный интерес и потому, что затронутые ею вопросы—областное музееведение—являются едва ли не важнейшим делом в краеведческом движении и потому, что она явилась в результате творчества мест.

Первая часть содержит ряд докладов по различным отраслям музейного дела. Вначале выясняется тип краеведческого музея (доклады А. И. Фесенко и В. П. Семенова Тянь-Шанского), затем устанавливаются принципы

построения и устройства отделов музея, далее разбираются общие вопросы, как, например, о собирательской деятельности, о методах учета музейного материала, о просветительной работе музея, о взаимоотношении музеев и научных обществ.

Вторая часть представляет из себя журнал заседания конференции и является существенным и интересным дополнением к первой, т. к. приводит довольно полно все прения, происходившие на конференции и добавляет многие детали, которые, естественно, не могли быть затронуты в первой части издания.

Для краеведческих музеев выход названной книги—хочется думать—большое событие, т. к. это пока единственный сборник, более или менее всесторонне охватывающий круг современных музейных запросов.

Внешняя сторона издания более чем удовлетворительна.

Труды Саложковского Отделения Общ. Исслед. Рязанского края. Выпуск I. П. П. Стаханов. Продвижение степи на левом берегу Саложского края и гибель культурных насаждений. В предисловии проф. В. П. Семенова Тянь-Шанского. Рязань, 1925 г., стр. 16.

Саложковское Отделение Общества Исследователей Рязанского края начало издание своих трудов названной выше брошюрой. Это первый опыт самостоятельного издательства отделений общества и поэтому он заслуживает быть особо отмеченным.

Автор разбирает большой для своего района вопрос о колоссальном лесоистреблении, которое имело место в особенности за последнее время и рисует яркую картину быстрого продвижения степи, результаты чего сказываются как на самой природе края, так и на его хозяйстве. В конце работы приводится ряд практических мероприятий, которые по мнению П. П. Стаханова необходимо провести в жизнь для предотвращения грозящих краю бедствий.

Внешний вид издания удовлетворителен, но нужно хорошо знать условия провинциальной работы, чтобы вполне оценить факт выхода этого издания.

А. М.

Издание „Вестника Рязанских Краеведов“ заканчивается настоящим номером.

Как научно-информационный орган Общества Исследователей Рязанского Края „Вестник“ оказал свое влияние на дело собирания по губернии краеведческих сил, их объединения и взаимной информации. Но за все время существования „Вестника“ программа его не была строго выдержана и определена. Каждый выходящий очередной номер журнала отличался от предыдущего, иногда, неуловимо, как общим внутренним стержнем содержания, так и характером подобранного материала. Молодость самого дела, которому он был призван служить, определила, может быть, невыравненность и колебания в программе журнала.

Дело краеведения еще блуждает в поисках своего пути. Отсюда не уверенность в своих силах, бессистемность в работе, ошибки, с другой же стороны увлечение безмерно широкими планами и мечтами—вот характерные черты молодой провинциальной краеведческой ассоциации. Надо надеяться что эта пора, по своему имевшая место и для Общества Исследователей Рязанского края, отходит в прошлое

Ясно ощущаемое тяготение к истокам подлинной науки заставляет перестраивать как-то и организационную структуру работы. Если прежде казалось важным собирать разрозненные силы работающих в одиночку работников, всячески насаждать на местах краеведческие организации, то теперь несомненна задача—выяснить качество этих организаций, объединять действительно работающие силы.

Такое положение обязывает. Оно заставляет строжайшим образом относиться к делу, оно показывает что тип издания, осуществляемый „Вестником“ не может входить в сегодняшние планы. При скудности материальных средств, О-во не может заниматься изданием популярно-научного журнала. Опыт показывает, что создание такого органа еще преждевременно. Это и естественно, потому что не создано еще достаточно содержательных и прочных устоев в познании самого края.

Издание „Вестника“ сменяется типом „Известий“, долженствующих лишь точно отпечатлеть и регистрировать результаты исследовательской работы О-ва и не претендующих пока ни на какое специальное педагогическое воздействие.

Редакция.

30 =

Гублит № 5043—25 г.

Ряз. тип. инв. „Печатник“.

Зак. № 956

Тираж 500.